

© 2009 г. Е.Л. ГРИГОРЬЯН

КАУЗАЛЬНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ И СИНТАКСИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ

Автор показывает, что в одной и той же языковой ситуации возможны альтернативы в «профилировании» каузальных отношений.

В данной статье будут рассматриваться в первую очередь те каузальные значения, которые определяют синтаксические связи в пределах простого предложения, точнее, если пользоваться английским термином, *clause*.

Мы исходим из того, что (1) каузальные значения организуют структуру простого предложения (*clause*); (2) они неоднородны с точки зрения семантики, с чем связаны различия их грамматических проявлений; (3) каузальные значения не задаются однозначно описываемой реальностью, а конструируются на языковом уровне в зависимости от ее интерпретации; таким образом, каузальные отношения могут быть определены только применительно к конкретному высказыванию¹. Для многих денотативных ситуаций (т.е. ситуаций, задаваемых конкретными предложениями) существуют различные возможности в осмыслении тех или иных элементов и связей как каузальных, причем в конкретном высказывании, т.е. в пределах описания одной ситуации, могут присутствовать несколько актантов с каузальными значениями, которые неоднородны семантически и различны по своим формальным проявлениям.

Далее мы рассмотрим роль каузальных значений с точки зрения их связи с синтаксическими правилами и закономерностями с целью выявить и исследовать синтаксически релевантные аспекты их семантики.

То, что мы объединяем под термином *каузальность* или *каузальные значения*, не представляет чего-то однородного и четко структурированного. На разных уровнях языка (а возможно, и для разных явлений одного уровня) имеют свое проявление и могут быть выделены различные смысловые оппозиции, несводимые к единой логической схеме.

Достаточно взглянуть на совокупность лексических единиц и грамматических показателей, связываемых с семантикой каузальности – существительных, глаголов (типа *порождать*), наречий, частиц, вводных слов – чтобы стало очевидно, что они не представляют собой единой и последовательной системы; ср. [НОСС 2003], где рассматриваются лексические значения слов *причина* и *под.*, *работы*, где рассматриваются причинные предлоги в латинском [Степанов 1995], русском и французском языках [Иорданская, Мельчук 2007; РГ 1980: 526] в связи с типами придаточных предложений и, соответственно, союзами и т.д. Хотя каждое из упомянутых описаний и каждая из предлагаемых классификаций, безусловно, адекватны и хорошо обоснованы, их практически невозможно свести вместе, пользуясь одним общим набором признаков. Тем более с

¹ По сути то же соображение, но в ином контексте и в других формулировках, высказывается и обосновывается в [Степанов 1995; см. также: Арутюнова 1988: 155, 157].

ними трудно связать семантические признаки, действующие в грамматике и определяющие синтаксические правила.

Поэтому, в частности, для многих грамматически значимых семантических категорий, исследуемых далее, невозможно дать четкое содержательное название, пользуясь лексическими единицами языка. Используемые далее наименования следует воспринимать как ярлыки, а не как содержательные характеристики.

Хотя понятие причины (и причинно-следственного отношения) интуитивно понятно, приложимость его к некоторым из рассматриваемых случаев неочевидна, особенно что касается каузального элемента в значении агентивности (что повторяется в большинстве дефиниций). Те определения причины, причинности и т.д., которые дают словари – как лингвистические, так и философские – в основном тавтологичны, т.е. используют слова типа «порождать» и т.п. Представляется, что существующие лингвистические классификации каузальных значений могут пролить больше света на содержание этой категории. Следует также иметь в виду, что русское слово «причина» не всегда в полной мере подходит к рассматриваемым в этой связи примерам; английское слово *cause* больше соответствует исследуемым явлениям. Таким образом, в данной статье каузальность понимается широко и покрывает большой диапазон значений.

Исследование опирается на материал русского, английского и французского языков. Так как на данном этапе исследования в отношении рассматриваемых в данной статье аспектов эти языки не обнаруживают явных различий, примеры даются далее недифференцированно; выбираются наиболее показательные из них и не дублируются в каждом случае параллельно на всех трех языках.

1. В литературе по падежной грамматике и особенно по каузативам часто выстраиваются так называемые каузальные цепочки и ситуация представляется как результат последовательного воздействия друг на друга ряда факторов. Например, [Nilsen 1973] дает цепочку *John caused his finger to cause the trigger to cause the gun to cause the bullet to cause the man to be dead*, что должно обозначать 'Джон застрелил человека'. Представлена последовательность причин Джон → его палец → спусковой крючок → ружье → пуля → ... Еще более длинная цепочка приводится в [Talmy 1976: 103] для аналитического каузатива.

Следует заметить, что, хотя в цепочках обычно представлены предметные имена, они, как правило, могут быть развернуты в описания событий. Ср. [Арутюнова 1974]: «Имя лица или предмета может скрывать за собой любое из возможных качеств, действий или происшествий. Например, *Я задержался из-за книг* = *я задержался из-за того, что относил книги в библиотеку / брал книги у приятеля / отдавал книги в переплет / расставлял книги по полкам* и др.». Таким образом, предметное имя в подобной функции указывает на пропозицию. «Недостающая информация обычно выводится из предтекста или ситуации. Иногда семантический предикат либо имплицитруется именем, либо содержится в определении существительного» (с. 123). Заметим, что именно вследствие этого предметные имена в значении причин не всегда допустимы без экспликации, ср.:

/1/ Кузьму будил **стук дверей** и **шуршанье мёрзлой соломы**, которую таскал из розвальней Кошель (Бунин).

Вариант *Кузьму будили *двери* и *солома* невозможен, тогда как предложение *Меня разбудил телефон* совершенно обычно, прозрачно и не требует никаких пояснений, т.к. задает стандартную ситуацию (подлежащее как один из способов выражения каузальных значений будет рассмотрено далее).

Строго говоря, каузальные отношения связывают не предметы, а ситуации: «Минимальные семантические структуры обусловленности биситуативны» [ТФГ 1996: 141];

см. также [Хазагеров 1998: 24]². Кстати, в литературе также встречаются цепочечные каузальные схемы, состоящие не из имен, а из предикативных единиц [Talmy 1996]. Такой подход более точен, хотя и несколько громоздок и более отдален от реальных синтаксических структур.

Далее в данной статье будут рассматриваться в первую очередь актанты и сирконстанты с каузальным значением. Именно они, как будет показано далее, во многом определяют синтаксические конструкции и правила.

Хотя в принципе можно строить цепочки любой длины, возводя ситуацию к сколь угодно отдаленным первопричинам, а также путем дробления ситуаций на более элементарные³, в реальных текстах и высказываниях эти возможности не реализуются. В пределах одного предложения (clause) редко упоминается более двух звеньев цепи⁴. Кроме того, элементы цепочки явно неравноправны, некоторые из них практически никогда не эксплицируются, для многих возможности выражения ограничены; также не совпадают возможности их морфологического оформления. Так, возможно «он был убит пулей», но «из ружья», при этом палец и спусковой крючок вообще не могут фигурировать в описании данного события. Это связано со способом участия каждого из участников в создании ситуации и в первую очередь с существенностью «вклада»; также существенно наличие контакта. А. Вежбицкая [Wierzbicka 1980] в этой связи отмечает разницу между русскими примерами «Иван убил змею ружьем» и «Иван убил змею из ружья»: в первом случае подразумевается, что Иван использовал ружье как палку, а не стрелял из него, т.е. предполагается прямой контакт между средством и объектом. Во многом подобный пример приводит [DeLancey 1984]: *die from* liquor относится только к ситуации, когда человек умирает в результате собственного пьянства, тогда как *die because of* liquor может относиться и к другим случаям, например, если человек стал жертвой пьяного водителя. Можно сконструировать подобный русский пример: умереть от водки и умереть (погибнуть) из-за водки: последний пример может описывать более широкий круг ситуаций, например, если некто погиб в результате собственного водочного бизнеса; ср. также [Иорданская, Мельчук 2007: 511]. Маркирование подобных различий, по-видимому, является универсалией (DeLancey анализирует в основном материал атабаскских языков).

Как упоминалось выше, за различными способами маркировки каузальных значений просматриваются содержательные различия. Опираясь на глагольные категории, падежные системы и/или диатезные преобразования в различных языках, лингвисты раз-

² На самом деле в научной и философской мысли существовали и существуют различные понимания концепта «причина»; Ю.С. Степанов [Степанов 1995: 64] приводит список таких интерпретаций в хронологическом порядке их появления: (1) Вещь есть причина вещи; (2) Вещь есть причина события; (3) Свойство есть причина события; (4) Свойство есть причина свойства; (5) Состояние есть причина состояния; (6) Событие есть причина события; (7) Факт есть причина события. Надо отметить, что на уровне языка проявляются, по-видимому, все из перечисленных вариантов. В фокусе нашего внимания будет вариант (2).

³ [Croft 1991] отмечает такой аспект представления ситуации, как *granularity*, т.е. выбор определенного масштаба. Приводится пример *Джон заболел*: при данном уровне представления ситуация понимается как элементарная, однако при другом уровне дробления она может быть приведена к последовательности *Вирус поразил гортань Джона, которая воспалилась, что привело к ларингиту*. Таким образом, элементарный уровень репрезентации в принципе недостижим, т.к. любое представление может быть преобразовано в серию более элементарных, и так до бесконечности. Анализируя каузальные отношения, мы, естественно, должны оставаться в пределах заданного уровня представления.

⁴ Возможно, это связано с особенностями человеческого восприятия: многие авторы ссылаются на невозможность одновременно держать в поле внимания и соотносить каким-либо образом слишком большое количество объектов; иногда указывается предельная цифра 5 или 6. [Беличенко 2002], ссылаясь на [Schulze 1999], отмечает, что типичное количество упомянутых участников «сцены» не более трех-четырех; заметим, что лишь некоторые из них имеют каузальную семантику.

граничивают отдельные разновидности каузальных значений и, соответственно, видов каузации. Так, [DeLancey 1984] различает как релевантные для синтаксиса и морфологии *direct cause*, т.е. прямую, непосредственную причину в противоположность *contributing, enabling, mediating causes* (приблизительно: добавочная, влияющая, способствующая; создающая возможность; опосредующая, промежуточная причина). [Talmy 1985], рассматривая нюансы каузальных значений и отношений и оценивая их роль в языке (в основном в английском), различает каузацию результирующего состояния (события), каузацию каузирующего события, инструментальную каузацию (т.е. воздействие на средство), ненамеренную каузацию (*author causation*) и самопроизвольность (*self-causation*). Кроме того, разграничивается собственно каузация (*causing*) и пермиссивность (*letting*): в первом случае имеет место воздействие (*positive impingement*), во втором – отсутствие воздействия (*negative impingement*). Каузация может быть длительной, продолжающейся (*extended causation*) или представлять собой первотолчок (*onset causation*). Кроме того, в [Talmy 1996] говорится об особом статусе непосредственной причины (*penultimate subevent*), т.е. предпоследнего звена цепи (последним звеном считается результирующее событие, т.е. результат). Б.Л. Уорф [Whorf 1956: 266], анализируя глагольные категории языка кер д'ален, указывает на различия трех видов каузации и, соответственно, трех каузальных значений: во-первых, внутренняя причина (так, сливы становятся сладкими благодаря созреванию), внешняя причина (так, кофе становится сладким вследствие добавления сахара) и внешняя причина следующей степени (олады становятся сладкими благодаря сиропу, который в свою очередь делается сладким благодаря добавлению сахара).

Разграничение прямых и косвенных (опосредованных) причин контактного и дистанционного характера каузации, а также внешней и внутренней каузации имеют принципиальное значение для синтаксиса и, по-видимому, являются универсальными; см. также [Dixon 2000].

Таким образом, каузальные значения, которые могут быть представлены в предложении, неоднородны и могут быть классифицированы с учетом разных параметров; семантические различия определяют различия морфологических способов выражения и синтаксических свойств⁵.

2. Неоднородность каузальных значений наглядно проявляется в возможностях выбора подлежащего. Как известно, в конструкциях действительного залога подлежащим становится один из элементов, связанных с каузальным значением: агенс, средство (*instrument*), инициатор, собственно причина (*cause*) источник, сила (*force*). Сами эти падежные значения дифференцируются, во-первых, по положению в каузальной цепи (для средства указывается промежуточное положение между агенсом и объектом), во-вторых, с учетом семантики актанта (одушевленность-неодушевленность, конкретность-абстрактность) и некоторых характеристик типа намерения и активности для агенса (активность также для силы). Подлежащие иной ролевой семантики требуют либо изменения залога, как при подлежащем пациенсе/объекте (*Стекло разбилось*), либо замены глагольной лексики, т.е. использования лексических конверсиров, если в качестве подлежащего выступает адресат (бенефициант и т.д.) и некоторые другие (*Ваня по -*

⁵ В приведенном кратком обзоре классификаций каузальных значений объединено то, что авторы формулируют в разных терминах и с разными акцентами и не всегда применительно к совпадающему материалу и определяют как каузальность, типы каузации, виды причин и т.д. Круг авторов мог бы быть расширен, но мы ограничились отдельными узловыми моментами, касающимися синтаксических явлений. Мы не касаемся других классификаций (возможно, более глубоких и основательных), связанных с лексической семантикой, например, слова *причина* и других [НОСС 2003], с семантикой причинных предлогов [Степанов 1995; Иорданская, Мельчук 2007], типами придаточных предложений [РГ 1980: 526]; в последней работе каузальность трактуется предельно широко, как любая зависимость.

с л а л Маше посылку – Маша п о л у ч и л а посылку от Вани). Таким образом, характерно построение предложения в соответствии с направлением каузальных связей: исходным пунктом (starting point) для построения высказывания и, следовательно, для представления всей ситуации является каузальный элемент, который на синтаксическом уровне оформляется как подлежащее. Этот принцип вполне объясним, т.к. очевиден его иконический характер: событие описывается от исходной точки в направлении развертывания, которое [Croft 1991] описывает как направление передачи силового импульса, *transmission of force*; все роли, соответственно, делятся на антецедентные, к которым относятся роли с каузальным значением, и субсеквентные – роли реципиента, результата и др. Насколько об этом можно судить, большинство глаголов в языках мира представляют ситуации именно в этом ракурсе⁶; глаголы, представляющие ситуацию в обратном порядке (Крофт называет их *reverse order verbs*) типа *suffer* или *undergo* (подвергаться) относительно малочисленны; ср. в этом плане количественное исследование глаголов передачи [Willems 1979], где приводится соотношение 122 против 8. Надо заметить, что каузальная последовательность соответствует типичной временной последовательности, ср. расхожее объяснение широкой распространенности порядка слов SVO его иконическим характером. Отклонения от воспроизведения каузальной последовательности часто связываются со смещением фокуса внимания или иной, менее распространенной коммуникативной структурой.

Связь подлежащего с каузальностью, однако не с любыми из каузальных значений, подтверждается также отрицательным языковым материалом. Так, для ситуации, представленной в предложении *Хозяйка нагрела воду*, может быть построена цепочка типа *хозяйка → дрова → печь → огонь → кастрюля → вода*.

Ситуация может также быть описана как *огонь нагрел воду*, [?]*печь нагрела воду*, но невозможно **дрова нагрели воду*, **кастрюля нагрела воду*, если не иметь в виду, в последнем случае, электрическую кастрюлю или такую ситуацию, когда вода нагревается от горячей кастрюли. Точно так же возможно *прачка/стиральная машина/порошок хорошо стирает* (*отстирал белье*), но едва ли возможно ^{??}*вода отстирала белье*.

Нельзя утверждать, что каузальное значение в подобных случаях полностью отсутствует: вполне возможно в *э т о й в о д е белье хорошо отстирывается*, в *э т о й к а с т р ю л е вода быстро нагревается*, и з - з а (с ы р ы х) *д р о в вода медленно нагревается*.

Из этого можно заключить, что не все каузальные значения равноценны. В приведенных примерах можно говорить о слабом каузальном значении: соответствующие партиципранты являются лишь опосредующими звеньями в каузальной цепи, не достаточно существенными для достижения результата – по крайней мере, в сравнении с другими, представленными в данной ситуации. То же можно сформулировать в терминах «вклада» (*relative contribution*), как это иногда объясняется в работах, посвященных агентивности или подлежащим [Van Oosten 1977; Lakoff 1977] и др., и обусловленности свойствами предмета [Григорьян 1986]: действительно, в приведенных примерах свойства мыла или порошка могут быть определяющими для стирки независимо от ткани, стирающего и т.д., в то время как таз и вода не являются такими определяющими факторами, действующими самостоятельно и достаточными для достижения результата. Иначе говоря, для возможности выражения каузального элемента формой подлежащего зависимость должна быть достаточно сильной. В этом плане представляется уместным предлагаемое в работе [Ляпон 1988: 110] разграничение предопределяющего (порождающего) фактора и побочного (сопутствующего) фактора. Хотя ограничения такого рода, по-видимому, универсальны, они действуют в разной степени жестко в различных языках. Некоторые лингвисты (например, Ч. Филлмор), ссылаясь на Куно и Роденбурга,

⁶ Такое положение типично, но, возможно, не универсально: ср. сведения по салишским языкам в [Thompson 1985].

указывают, что японский и немецкий языки не допускают в качестве подлежащих «enabling or occasioning causes», в отличие от английского языка (приводятся примеры типа *50 dollars will buy you a second-hand car* или *The accident killed the woman*). Кроме того, для выбора подлежащего существенно различие прямых (непосредственных) и косвенных и опосредованных причин. Иначе говоря, причина, оформленная как подлежащее, не может быть слишком отдаленной, т.е. отстоящей в пространстве и во времени от результирующей ситуации, или действовать через длинную последовательность опосредующих факторов. Это, по всей видимости, также универсальная тенденция; см. [Dixon 2000].

3. В языках достаточно явно выражено различие внешних и внутренних причин, внешней и внутренней каузации. Внутренняя каузация часто рассматривается как один из отличительных признаков агентивности [Зализняк 1992; Кустова 1992], но охватывает более широкий круг явлений.

В [Levin, Rappaport 1995] различаются *externally caused* и *internally caused eventualities* (с. 91), т.е. события, каузированные извне и изнутри. Так, глаголы типа *blush* и *tremble* обозначают внутренне каузированные события; некоторые пары глаголов различаются как обозначения внутренней/внешней каузации, например, *shudder* vs. *shake*. Отличие проявляется, в частности, в том, что *shudder* может относиться только к людям, животным и, расширительно, к земле и механизмам – как это формулируют авторы, к тому, что имеет «самоуправляемое тело» («self-controlled body»), – тогда как, например, к листьям, мебели и чашкам применимо только *shake* (с. 100). Закономерно, что только *shake* может употребляться в каузативном значении, т.к. глаголы, обозначающие внутренне каузированные состояния и процессы, несовместимы, по мнению авторов, с указанием внешней причины (с. 101). Однако наше исследование показывает, что соотношение внешней и внутренней каузации не столь однозначны и очень часто один и тот же глагол может использоваться для обозначения как действия, вызванного внутренним импульсом, так и результата воздействия внешних сил, ср. примеры /2/ и /3/:

/2/ ...и Поплавский полетел вниз по лестнице, держа в руке паспорт. **Долетев** до поворота, он **выбил** на следующей площадке ногою стекло в окне и **сел** на ступеньку (М. Булгаков).

В нейтральном контексте *он сел на ступеньку, выбил окно* воспринималось бы как описание действия (в первом случае намеренного), а не результат внешнего воздействия, как в данном примере; ту же двойственность проявляет и глагол *лететь*.

/3/ В жаркий летний полдень возвращался я однажды с охоты на телеге... Заснувшие собаки **подпрыгивали**, словно мертвые, у нас под ногами (Тургенев).

Ср. *собаки подпрыгивали* (в нейтральном контексте).

/4/ Алферовская бородака блестела, вздувался кадык, редкие **волосы** на темени **шевелились от ночного ветерка** (Набоков).

Ср. *волосы шевелились* (без указания причины и вне контекста).

Последний вариант скорее воспринимался бы как «самостоятельно», «по внутреннему импульсу» (например, от ужаса), т.е., в отличие от примера /4/, движение волос представлялось бы не как результат внешнего механического воздействия, а как вызванное внутренними процессами и реакциями.

Разумеется, для многих глаголов какое-то из прочтений является основным, предпочтительным и, скорее всего, первичным, однако существенно, что оно может быть переосмыслено.

Противопоставление внешней/внутренней каузации применимо и к неодушевленным партиципантам; внутренняя каузация подразумевает в этом случае изменение, вызванное внутренними процессами, внутренним развитием или собственным движением.

/5/ Мне один солдат в Сучане сказывал: ихнее **судно**, когда они шли, на рыбину **наехал** и днище себе **проломило** (Чехов).

Хотя движение может быть вызвано внешним толчком или даже быть управляемым, как движение судна в данном примере, оно изображено как автономный процесс, протекающий автоматически. Ср. также описание природных процессов в английских примерах:

/6/ The **avalanche** slid slowly and **covered up** his head (Steinbeck).

Предложения о растениях, где событие связано с их ростом, особенно наглядно демонстрируют значение «использования собственной внутренней энергии»:

/7/ A white **Banksia rose**, which for years had been a stubby little bush, came suddenly to life and climbed up the front of the house. It **covered** the porch, hung festoons over the closed windows and dropped long steamers from the eaves (Steinbeck).

Интересна возможность альтернативного описания одних и тех же денотативных ситуаций как вызванных внешним воздействием или как самопроизвольных, использующих внутреннюю энергию соответствующего партиципанта.

/8/ Постепенно прибывая от истоков, **речки** то и дело **взламывали** свой лед в устьях и **кидали** его в Лену, **загромождая** свободное течение и затрудняя ее собственную борьбу с морозом (Короленко).

Ср. лед **загромождал** свободное течение, где та же ситуация представлена не как результат воздействия (движения) реки или иной внешней силы, а как результат собственного, как бы самостоятельного движения льда. Ср. также следующие примеры:

/9/ **Снег** крутился спереди, сбоку, **засыпал** полозья, ноги лошадей по колени и сверху **валил** за воротник (Л. Толстой).

/9а/ метель **засыпала** полозья снегом;

/9б/ снегом **засыпало** полозья.

Примечательно, что все три предложения могут описывать идентичные денотативные ситуации, причем в примерах /а/, /б/ снег рассматривается подобно средству, а в качестве источника энергии (каузатора, квазиагентивного элемента) выступает стихия, тогда как в примере /9/ снег воспринимается как самостоятельная действующая сила или стихия. Фактически это разница в интерпретации. Ср. также английский пример:

/10/ An American **car** went by with reckless speed and **covered us with dust** (Greene).

Ср. ...and dust covered us (в динамическом прочтении).

Характерно, что при отсутствии указания на внешнюю причину ситуация обычно воспринимается как самопроизвольная (self-caused): *река затопила поля, яблоко упало и покатилося, огонь погас, здание рухнуло* и т.д. [Cantrall 1973]. Хотя очевидно, что в реальности названные ситуации могут быть вызваны внешними силами, в языке они описываются как совершенно самостоятельные, т.е. объекты представлены как саморазвивающиеся или самодвижущиеся. Это демонстрирует и при-

мер /9/, и контрпримеры /8/ и /10/. Эта же особенность нередко отмечается (в других терминах) для русских возвратных глаголов, однако можно видеть, что данная закономерность существенно шире. Неупоминание внешней причины в типичном случае имплицитно каузальный и даже квазиагентивный элемент в значении неодушевленного подлежащего⁷, что также свидетельствует о закономерной связи подлежащего и каузальности. Каузированные движения и изменения состояний могут быть уподоблены самопроизвольным, в том числе вызванным внутренним импульсом. Представление об автономности, самопроизвольности процесса сохраняется и в тех случаях, когда предмет, называемый подлежащим, не воспринимается как использующий собственную внутреннюю энергию и действие не воспринимается как вызванное внутренним импульсом; для таких случаев характерно значение «не результат воздействия извне». Таким образом, ситуации могут быть осмыслены как возникающие или существующие отдельно от породивших их причин. Ср.

/11/ *Слышно, как небольшие льдины стучат о баржу* (Чехов).

Совершенно ясно, что в реальности движение и стук льдин является следствием внешних воздействий – течения и ветра, однако ситуация представлена как отдельная и самостоятельная. Аналогичный пример:

/12/ *В покосившемся доме продолжала ударять о стену отвязавшаяся ставня* (Л. Андреев).

Хотя любая ситуация, по крайней мере динамическая, вплетена в систему причинно-следственных связей, она может изображаться в отвлечении от них, как самодостаточная. Результат действий людей, животных, других внешних сил может восприниматься как самостоятельная, отдельная и независимая от них ситуация. Показательны следующие примеры:

/13/ *Зиланов замолчал, перевернул лист, его перо подожгло и тронулось* (Набоков).

Употребляемые в данном примере глаголы представляют движение как вызванное внутренним импульсом и предполагают восприятие пера как квазиагентивного элемента. Характерно, что данные глаголы не имеют соответствующего каузатива и диатезное преобразование с выражением агенса невозможно. Таковы же некоторые глаголы в последующих примерах: *вскочить, потухнуть, выехать, skid*.

/14/ *Сальное одеяло зашевелилось, из-под него показалась кудрявая детская голова на очень тонкой шее* (Чехов).

/15/ *Он привстал, прислушался. Гром оказался непонятным кряхтением и шорохом за дверью; ручка, едва блестящая в тумане рассветного воздуха, вдруг опустилась и вскочила опять* (Набоков).

/16/ *В тихих коридорах потухли матовые белые лампочки, и вместо них согласно распорядку зажглись слабые голубые ночники* (М. Булгаков).

Ср. возможное для описания этой же ситуации *были потушены... были зажжены...*, где то же самое изменение было бы показано как результат действий людей.

⁷ Ср. аналогичное наблюдение на более ограниченном материале и в других терминах [Гаврилова 1975: 147].

- /17/ Из коридора **выехала** на резиновых колесиках **кушетка**, на нее переложили **затихшего** **Ивана**, и он уехал в коридор, и двери за ним замкнулись (М. Булгаков).
 /18/ *The newspaper he was sitting on rustled* (R. Chandler).
 /19/ *We pushed in the plate hastily, and it skidded across the floor into the corner, the two leopards chasing madly after it* (G. Durrell).

Таким образом, возникающая ситуация изображается в отвлечении от внешних сил и воздействий, так, как будто она не вызвана ими, а возникла самостоятельно, т.е. как будто источником энергии является сам неодушевленный партиципant, названный подлежащим. Каузированные ситуации часто уподобляются самостоятельным событиям, вызванным внутренними импульсами, а движение неодушевленного предмета может быть уподоблено движению живого существа или природной стихии.

3.1. Подлежащее в подобных примерах может сочетаться с упоминанием в том же предложении или в ближайшем контексте других элементов, также осмысленных как каузальные.

- /20/ – *Пожалуйста ванну брать, – пригласила женщина, и под руками ее раздвинулась внутренняя стена, за которой оказалось ванное отделение и прекрасно оборудованная уборная* (М. Булгаков).

Ср. женщина раздвинула стену.

- /21/ *The walls are hung from ceiling to floor with painted curtains which stir at times in the draughts* (G.B. Shaw).

?? *draughts stir the curtains*

- /22/ *Towards the evening a violent storm of rain came on, and the wind was so high that all the windows and doors in the old house shook and rattled* (O. Wilde).

Ср. ?? *The wind shook the windows and doors*

- /23/ ... *and the pomegranates split and cracked with heat, and showed their bleeding red hearts...* (O. Wilde).

?? *heat split and cracked the pomegranates*

- /24/ *Dans la rue Garancière, une foule sans cesse accrue se pressait, regardant le malheureux en poussant la clameur d'effroi quand il trébuchait sur les ardoises qui se brisaient sous ses pieds* (A. France).

Сопоставляемые структуры, во-первых, заметно отличаются по коммуникативной значимости соответствующих элементов: причина, оформленная как подлежащее, во всех случаях коммуникативно выделена, каузальное значение акцентируется, тогда как в примерах /20/–/24/ она представляется периферийной для содержания и внимание фокусируется на подвижном или изменяемом элементе, т.е. на самом изменении или его результате, а не на его внешней причине, которая иногда подается как условие или сопутствующее обстоятельство; Е.В. Падучева предлагает для таких случаев термин «фонный каузатор» [Падучева 2001: 62]⁸. Таким образом, один из каузальных элементов выбирается как исходная точка для показа всей ситуации; выбор главной причины и оформление ее как подлежащего зависит от приписываемой ей значимости. Во-вторых, не менее важно, что в ряде примеров события, даже при упоминании внешней причины,

⁸ В цитируемой работе проблема рассматривается в контексте значения глагола – каузативного в противоположность декаузативному – и отмечается различие ассертивного и фонового компонентов значения (с. 59).

могут быть уподоблены самопроизвольным, как в примерах /20/ и /23/, которые допускают дополнительную интерпретацию /20/ – автоматизм, /23/ – результат внутреннего развития. Разумеется, в таких структурах подлежащее в большей или меньшей степени теряет квазиагентивное значение.

Наконец, как уже упоминалось, во многих случаях результат внешнего воздействия уподобляется результату внутреннего развития или собственного движения, хотя в реальности движение может быть следствием внешнего толчка, а изменение внутреннего состояния может быть стимулировано извне, как в примере /23/.

3.2. Такое объяснение косвенно подтверждается выражениями типа *сам, сам собой*, которые не всегда предполагают внутренний импульс и также совместимы с указанием внешней причины.

/25/ *«Кто же отперет мне дверь?» – сказал я, ударив в нее ногой.*

Дверь сама отворилась; из хаты повеяло сыростью (Лермонтов).

/26/ *С бригадиром во главе двинулись граждане навстречу пожару, в несколько часов сломали целую улицу домов и окопали пожарище со стороны глубокою канавой. На другой день пожар уничтожился сам собою вследствие недостатка питания* (Салтыков-Щедрин).

/27/ *Слезы текли по лицу девицы, она пыталась стиснуть зубы, но рот ее раскрывался сам собою, и пела она на октаву выше курьера* (М. Булгаков).
(В последнем примере речь идет о действии магии.)

/28/ *Но коварный Бегемот, как из шайки в бане окатывают лавку, окатил из примуса кондитерский прилавок бензином, и он вспыхнул сам собой* (М. Булгаков).

/29/ *Но пришли гости-барышни, и спор прекратился сам собой* (Чехов).

/30/ *«How can I stop it [the boat]? ...If you leave off rowing, it'll stop of itself»* (Carroll).

Таким образом, указание на внешнюю причину совместимо с представлением о самопроизвольности. Смысл указания на самостоятельность в том, что «дверь никто не открыл» (пример /25/), что никто специально не тушил пожар (пример /26/, где имеет место дистанционная каузация автономного процесса), что лодку не надо останавливать /30/, т.е. что-то произошло (или произойдет) автоматически, без участия агенса или даже помимо его воли /27/. Особенно показателен в этом плане французский пример:

/31/ *Quoi! c'était un homme qui avait crée cela! Il n'y avait pas songé. Il lui semblait presque que cela s'était fait tout seul, que c'était l'œuvre de la nature...* (Rolland).

Видимо, самопроизвольность не предполагает обязательного отсутствия внешних причин. Возможно, эти причины во многих случаях не осознаются как таковые или вообще остаются незамеченными в силу обычности, естественности подобного развития ситуации, которое, соответственно, не воспринимается как результат вмешательства каких-то дополнительных факторов⁹. Иначе говоря, то, что соответствует естественному положению дел или ходу событий, не воспринимается как вызванное какой-либо причиной; ср. аналогичное наблюдение [Levin, Rappaport 1995: 97]. Значение «естественности», т.е. 'в силу естественного хода событий', 'без усилий со стороны агенса' иногда указывается как релевант-

⁹ Подобный пример приводит З. Вендлер [Вендлер 1986]: никому не придет в голову считать причиной пожара наличие кислорода в атмосфере, хотя без него пожар не мог бы возникнуть.

ное при описании различных типов каузативов [Dixon 2000: 66, 71–72]; ср. толкование *сам собой* как «с минимальной затратой усилий» [Падучева 2001].

Эти примеры можно также интерпретировать в терминах «вклада» (*relative contribution*) различных партиципантов в создание ситуации, т.е. как отражение различной значимости («веса») отдельных факторов каузации. Не менее важно, что они свидетельствуют о неоднородности каузальных отношений.

4. Таким образом, в одной ситуации могут быть представлены причины разного порядка и даже независимые друг от друга; очевидно, что упомянутая выше цепочечная схема, в которой предшествующий элемент воздействует на последующий, не является единственно возможной. В принципе любая ситуация является результатом сочетания разных факторов, в том числе не связанных между собой и действующих независимо друг от друга. Языковая репрезентация вычленяет и оформляет лишь некоторые из них как каузальные.

Иначе говоря, в представлении сходных ситуаций могут быть выделены одни или другие источники каузации и ее направления, т.е. в некоторых случаях возможны альтернативы в «профилировании» (как бы выборе нити) каузальных отношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арутюнова 1974 – Н.Д. Арутюнова. Предложение и его смысл. М., 1974.
Арутюнова 1988 – Н.Д. Арутюнова. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М., 1988.
Беличенко 2002 – Е.А. Беличенко. Когнитивная типология: один из путей поиска универсальной модели описания // Проблемы когнитивной семантики. СПб., 2002.
Вендлер 1986 – З. Вендлер. Причинные отношения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVIII. М., 1986.
Гаврилова 1975 – В.И. Гаврилова. Особенности семантики, синтаксиса и морфологии глаголов присоединения // Семиотика и информатика. Вып. 6. М., 1975.
Григорьян 1986 – Е.Л. Григорьян. Семантические и прагматические аспекты диатезы: Автореф. ... дис. канд. филол. наук. М., 1986.
Зализняк 1992 – Анна А. Зализняк. Контролируемость ситуации в языке и в жизни // Логический анализ языка. Модели действий. М., 1992.
Иорданская, Мельчук 2007 – Л.Н. Иорданская, И.А. Мельчук. Смысл и сочетаемость в словаре. М., 2007.
Кустова 1992 – Г.И. Кустова. Некоторые проблемы анализа действий в терминах контроля // Логический анализ языка. Модели действий. М., 1992.
Ляпон 1988 – М.В. Ляпон. Прагматика каузальности // Русистика сегодня. Язык: система и функционирование. М., 1988.
НОСС 2003 – Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Вып. 3. М., 2003.
Падучева 2001 – Е.В. Падучева. Каузативный глагол и декаузатив // Русск. яз. в научн. освещении. 2001. № 1.
РГ 1980 – Русская грамматика. Т. 2. М., 1980.
Степанов 1995 – Ю.С. Степанов. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца 20 века. М., 1995.
ТФГ 1996 – Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. СПб., 1996.
Хазагеров 1998 – Т.Г. Хазагеров. Каузативность: Статус и эволюция средств выражения в русском языке // Филологич. вестник Ростовского гос. ун-та. 1998. № 1.
Cantrall 1974 – W.R. Cantrall. Viewpoint, reflexives and the nature of noun phrases. The Hague; Paris, 1974.
Croft 1991 – W. Croft. Syntactic categories and grammatical relations: The cognitive organization of information. Chicago; London, 1991.
DeLancey 1984 – S. DeLancey. Notes on agentivity and causation // Studies in language. 1984. V. 8. № 2.
Dixon 2000 – R.M.W. Dixon. A typology of causative form, syntax and meaning // Changing valency: Case studies in transitivity. Cambridge, 2000.

- Lakoff 1977 – *G. Lakoff*. Linguistic gestalts // Chicago linguistic society. Papers from regional meeting 13. Chicago, 1977.
- Levin, Rappaport 1995 – *B. Levin, M. Rappaport Hovav*. Unaccusativity: At the syntax-lexical semantics interface. Cambridge (Mass.); London, 1995.
- Nilsen 1973 – *D.L.F. Nilsen*. The instrumental case in English. The Hague; Paris, 1973.
- Schulze 1999 – *W. Schulze*. The architecture of a «Grammar of scenes and scenarios». Munich, 1999.
- Talmy 1976 – *L. Talmy*. Semantic causative types // Syntax and semantics. V. 4. 1976.
- Talmy 1985 – *L. Talmy*. Force dynamics in language and thought // Chicago linguistic society. Papers from regional meeting 21. Chicago, 1985.
- Talmy 1996 – *L. Talmy*. The windowing of attention in language // Grammatical constructions, their form and meaning. Oxford, 1996.
- Thompson 1985 – *Lawrence C. Thompson*. Control in Salish grammar // Relational typology. Berlin; New York; Amsterdam, 1985.
- Van Oosten 1977 – *J. Van Oosten*. Subjects and agenthood in English // Chicago linguistic society. Papers from regional meeting 13. Chicago, 1977.
- Wierzbicka 1980 – *A Wierzbicka*. The case for surface case. Ann Arbor, 1980.
- Willems 1978 – *D. Willems*. La recherche d'une grammaire de cas // Valence, semantic case and grammatical relations. V. 1. Amsterdam, 1978.
- Whorf 1959 – *B.L. Whorf*. Language, mind and reality // B.L. Whorf. Language, thought and reality. New York; London, 1959.